

кации в мире каторжан. Что же касается раскольниковского деления людей на обыкновенных и необыкновенных, то Достоевский многократно подтверждает его правомерность в своих произведениях, а в авторском отступлении романа «Идиот» оценивает это явление с точки зрения эстетической, задаваясь вопросом, «что делать романисту с людьми ординарными, совершенно „обыкновенными“, и как выставить их перед читателем, чтобы сделать их сколько-нибудь интересными», ведь «миновать их в рассказе никак нельзя, потому что ординарные люди поминутно и в большинстве необходимое звено в связи житейских событий; миновав их, стало бы, нарушим правдоподобие» (8, 383—384). При этом писатель совершенно не церемонится с этим «необходимым звеном», избавляясь от ординарных героев по истечении необходимости в них, даже если это такие достойные люди, как например Разумихин, а уж Гане Иволгину, жаждущему быть «князем иудейским», во-первых, будет так прямо и сказано гуманнейшим князем Мышкиным, что он — «самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве только слабый очень и несколько не оригинальный» (8, 104), а во-вторых, самим автором предписано принадлежать к *другому разряду бездарей* — к тем, что «гораздо поумнее» поручиков Пироговых и изо всех сил жаждут оригинальности (8, 385), но никогда ее не достигают. Впрочем, Гане и даже ростовщичу Птицыну, на котором «дальше четырех домов природа ни за что не пойдет» (8, 387), очень повезло сравнительно со старухой-процентщицей, эстетически уничтоженной автором еще до того, как ее убил Раскольников. Л. Гроссман пишет, что «Раскольников не считает ростовщицу человеческим существом»,²² это действительно так, но и автор не посылает читателю соответствующих сигналов, — напротив, предельно обезобразив Алену Ивановну внешне и лишив ее какой бы то ни было человеческой черточки, он превращает ее в того дальнего и отвлеченного китайского мандарина из фантазий-прожектов Растиньяка, к которому она генетически восходит, в муляж, в материал для эксперимента, который затеял Раскольников.

В художественных мирах своих произведений Базаров и Раскольников даны как люди необыкновенные, но если сравнивать их между собой, то «беспокойный и тоскующий (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (см. у Достоевского, 5, 59) Базаров — фигура гораздо более масштабная, чем построивший по готовым лекалам свою теорию и свалившийся под грузом совершенного по ней преступления Раскольников.

Базаров, в отличие от Раскольникова, не собирался «мысль разрешать» и своему стержневому нигилистическому убеждению в негодности русского социально-государственного устройства остался верен до конца, но когда жизнь поставила перед ним новые, непредвиденные проблемы, он, опять-таки в отличие от Раскольникова, обнаружил готовность и способность принять вызов и, не изменив своим политическим воззрениям, продемонстрировал не только высокое нравственное достоинство, но и масштабность, глубину и свободу мысли, чему совершенно не воспрепятствовала пресловутая «авторская рама», в которую помещены его высказывания.

Огромное достоинство Базарова-мыслителя состоит в адекватности, непредвзятости подхода к явлениям действительности, в подлинной интеллектуальной свободе, отсутствии догматизма, теоретической ущербности и слепоты, которые, к сожалению, лежат в основе многих идеологических построений, так что Раскольников тут отнюдь не исключение. Как писал о Базарове В. Маркович, «его ум противится любым заданным предпосылкам и окончательным решениям, и это даже не принцип, а неотъемлемое, орга-

²² Гроссман Л. П. Творчество Достоевского. С. 97.